

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/fqeshl>

Образ Пушкина в русской драматургии на отдельных этапах развития биографического мифа

Любимцева-Наталуха Лариса Николаевна

Донецкий государственный педагогический университет имени В. Шаталова, Россия, Горловка

eLibrary Author SPIN: 3963-4579

<https://orcid.org/0009-0006-2694-8168>

lubimseva@mail.ru

Аннотация: Образ Пушкина в русской литературе представляется самостоятельной и актуальной темой для изучения. Цель – проследить трансформацию пушкинского мифа на протяжении ста лет (1899–1999) через анализ мифологем биографического мифа о поэте и тематики наиболее репрезентативных пьес. Использование сравнительно-исторического метода позволило оценить вклад драматургов разных этапов развития литературы в содержание пушкинского биографического мифа. В статье раскрываются особенности интерпретации образа Пушкина в пьесах, созданных на этапе сакрализации мифа, в советское время и в период демифологизации. Авторы пьес, обращаясь к одним и тем же мифологемам, избирательно подходят к фактам биографии, истолковывают их в соответствии со сложившимися в массовом сознании схемами. Представленные в статье материалы позволяют проследить функционирование пушкинского мифа в драматургии и выделить инварианты литературного мифа о великом национальном поэте на примере пьес, созданных на разных этапах развития русской литературы. В советское время и в период перестройки актуализируется тема наследия и потомков. Образ Пушкина на протяжении столетия сначала превращается в архетип поэта-творца, жертвы толпы, затем становится идеалом борца за слово, а в конце XX в., с одной стороны, подвергается процессу стереотипизации и десакрализации, а с другой – остается национальным символом русской культуры.

Ключевые слова: Александр Пушкин, пушкинский миф, образ Пушкина, русская драматургия, сакрализация, идеализация, десакрализация, дуэль, Дантес, тема потомков

Цитирование: Любимцева-Наталуха Л. Н. Образ Пушкина в русской драматургии на отдельных этапах развития биографического мифа. *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 4. С. 760–771. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-4-760-771>

Поступила в редакцию 08.01.2025. Принята после рецензирования 26.02.2025. Принята в печать 03.03.2025.

full article

Evolution of Alexander Pushkin's Image in Russian Drama through the biographical myth

Larisa N. Lubimtseva-Natalukha

V. Shatalov Donetsk State Pedagogical University, Russia, Gorlovka

eLibrary Author SPIN: 3963-4579

<https://orcid.org/0009-0006-2694-8168>

lubimseva@mail.ru

Abstract: The image of Alexander Pushkin in Russian literature is an independent and relevant research topic. This article traces its evolution across one hundred years of Russian drama (1899–1999) through the biographical myth and its mythologemes. The comparative historical method made it possible to assess the contributions made by different playwrights to Pushkin's biographical myth. The image of Pushkin acquired different interpretations in different epochs, from the mythological sacralization through the Soviet drama and to demythologization. While using the same mythologemes, the playwrights selected different biographical facts and adapted them

to the schemes established in the contemporary mass consciousness. The Pushkin myth in drama revealed some chronological invariants. The Soviet and Perestroika plays focused on the topic of heritage and descendants. Over the course of a century, the image of Pushkin turned from an archetypal poet-demiurge and victim of the crowd to a fighter for the freedom of speech, only to be stereotyped and desacralized in the late 20th century.

Keywords: Alexander Pushkin, Pushkin's myth, Pushkin's image, Russian dramaturgy, sacralization, idealization, desacralization, duel, Georges-Charles de Heeckeren d'Anthès, topic of descendants

Citation: Lubimtseva-Natalukha L. N. Evolution of Alexander Pushkin's Image in Russian Drama through the biographical myth. *SibScript*, 2025, 27(4): 760–771. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-4-760-771>

Received 8 Jan 2025. Accepted after peer review 26 Feb 2025. Accepted for publication 3 Mar 2025.

Введение

Пушкинский миф – сложившийся социокультурный и литературный феномен, значимый для русской национальной ментальности, в которой поэт воспринимается как культурный код России. Существует целый ряд определений исследуемого понятия, в основе которых лежит функционирование образа поэта либо в контексте культуры в целом, либо в контексте литературы как одного из видов искусств и части культурного пространства. Многочисленность работ, посвященных данному явлению, говорит о сформированности его основных характеристик [Багдасарян 2018; Богданова, Жилене 2024; Бычкова, Мурзакова 2020; Вогман 2019; 2020; Гук 2023; Иваньшина 2012; Маринина, Малютина 2024; Машенко 2012; Мещанский, Савелова 2019; Прожогин 1997; Трощинская-Степушина 2020; Туманов 2013; Хорошева 2023; Шеметова 2009а; 2009b; 2010; 2011; Яшина 2021].

Р. Г. Круглов считает, что это «совокупность образов Пушкина (а также литературы, общества и всей пушкинской эпохи), существующая в культуре и препятствующая непосредственному восприятию этих образов носителем культуры, который зачастую не подозревает, что находится в поле мифа» [Круглов 2024: 2732]. Исследователь называет пушкинский миф мифом Нового времени, не имеющим зафиксированных границ, вариативным, подобно архаическим мифам. В его основе лежит творчество А. С. Пушкина, реальная биография поэта и ряд автомифов, сменившихся при жизни поэта, но оставшихся в культуре. Это «единственный в своем роде литературный миф, вышедший за литературные пределы и ставший частью национального сознания как архетипическая схема» [Там же]. Т. Г. Шеметова предлагает понимать пушкинский миф как «своеобразный континуум, объединяющий реальные события прошлого и метафизические открытия, связанные с именем

Пушкина в русской культуре последующих времен» [Шеметова 2011: 5]. М. В. Загидуллина, автор работы «Пушкинский миф в конце XX века», понимает его как «совокупность реакций национального масштаба на творчество и личность Александра Сергеевича Пушкина (1799–1837), в основе которых лежит признание его Первым Национальным Поэтом» [Загидуллина 2001: 9]. Соответственно, история пушкинского мифа – это «история аналитического изложения фактов таких реакций национального масштаба» [Там же]. По мнению Л. И. Сараскиной, «пушкинский миф – это корпус текстов русской литературы, в которых А. С. Пушкин представлен как литературный герой или мифологический образ» [Сараскина 2018: 142]. М. М. Гельфонд подчеркивает, что «С одной стороны, пушкинский миф представляет собой сюжет, опирающийся на реальную биографию поэта и его творчество, с другой стороны, этот сюжет весьма далек от реальности и допускает максимально свободные интерпретации» [Гельфонд 2016: 99].

Таким образом, обобщив предложенные определения, можно выделить главные характеристики пушкинского мифа:

- он опирается на реальную биографию поэта, рамками которого выступают рождение и смерть А. С. Пушкина;
- пушкинский миф порожден коллективным сознанием;
- он исторически изменчив, вариативен и допускает разные прочтения образа поэта в зависимости от культурной ситуации и доминирующей в обществе реакции на его личность и творчество;
- пушкинский миф в литературе раскрывается через сложившуюся систему мифологем, подобно архаическим мифам, но таковым не является.

Как и любой другой, пушкинский миф в своем развитии проходит несколько стадий, и образ поэта интерпретируется в зависимости от этапа становления.

Существует ряд исследований истории пушкинского мифа. Это труды О. С. Муравьевой, Пола Дебрецени, М. В. Загидуллиной, Т. Г. Шеметовой. Не углубляясь в анализ и сопоставление этих трудов, возьмем за основу периодизацию, предложенную Т. Г. Шеметовой. Исследователь разделяет историю пушкинского мифа на основании значимых юбилейных дат и рецепции образа Пушкина в зависимости от исторической ситуации. Ключевыми событиями для обращения к биографии А. С. Пушкина в истории пушкинского мифа и русской драматургии являются, по мнению исследователя, юбилеи: 1899 г. – сто лет со дня рождения поэта, 1937 г. – столетняя годовщина смерти поэта, 1949 г. – столетие годовщины со дня рождения, 1999 г. – двухсотлетний юбилей со дня рождения. В соответствии с этими датами Т. Г. Шеметова выделяет основные этапы формирования мифа об А. С. Пушкине: создание образа *национального* поэта во время празднований юбилеев в XIX в.; сакрализация образа поэта в литературе Серебряного века; огосударствление образа *товарища* Пушкина в соцреализме (начиная со столетней годовщины смерти в 1937 г. и столетие годовщины со дня рождения в 1949 г.); интимизация образа в индивидуальных манифестациях мифа в эпоху оттепели; демифологизация в литературе постмодернизма; распад концепта *Пушкин* в концептуализме и разнообразные попытки воскрешения А. С. Пушкина в современной литературе [Шеметова 2009b]. Однако советский период – долгий временной отрезок, в рамках которого образ поэта был интерпретирован неоднократно: появлялись новые темы, изменялся ракурс рассмотрения темы поэта и поэзии. В последние годы перед распадом СССР в драматургии продолжало развиваться представление об А. С. Пушкине как классике, воплощении идеала поэта, но процесса демифологизации образа, характерного для постмодернизма, не наблюдалось.

Образ Пушкина в русской литературе представляется самостоятельной темой для изучения, хотя драматургия – это сравнительно небольшая часть в общем составе пушкинианы. Кроме того, актуализация интереса к пушкинскому мифу и его роли в отечественной культуре и литературе вызвана очередной юбилейной датой – 225-летием со дня

рождения поэта, которое масштабно отмечалось в 2024 г.

В данной статье через образ Пушкина описаны мифические представления о поэте в русской драматургии на конкретных этапах исторического времени. Цель – проследить трансформацию пушкинского мифа на протяжении ста лет (1899–1999) через анализ мифологем биографического мифа о поэте и тематики наиболее репрезентативных пьес.

Методы и материалы

Методология данной работы определяется сочетанием историко-литературного и мифопоэтического подходов с подключением метода контекстуального анализа. Материалом исследования послужили тексты пьес об А. С. Пушкине разных периодов: «Смерть Пушкина» (1899) С. С. Мамонтова, «Александр Пушкин» («Последние дни») (1935) М. А. Булгакова, «Наш современник» (1949) К. Г. Паустовского, «Третья дуэль Пушкина» (1983) Н. Доризо, «Тайна Пушкина» (1991) П. И. Павловского, «Кто убил месье Дантеса» (написана в 1998–1999 гг.) О. Богаева.

Результаты

Образ Пушкина в русской драматургии эволюционировал, раскрываясь через субъективную акцентуацию значимых биографических событий, через обращение к определенному набору мифологем и их индивидуально-авторское прочтение. На этапе сакрализации, к концу XIX в., уже сложился корпус текстов разного рода («Записки о Пушкине» И. Пущина, (1858 г., изданные в 1907 г.), «Жизнь и труды Пушкина» (1873) П. Анненкова, «Заметка о Пушкине» (1899) В. В. Розанова, «Последняя дуэль Пушкина: биографический очерк» Б. В. Никольского (1901)), которые подтверждали сформированность ключевых биографическо-идеологических мифологем.

До юбилейного года биография А. С. Пушкина была интерпретирована в целом ряде пьес: «Александр Пушкин» (1865) Валентино Карреры, «Пушкин» (1873) Пьетро Коссы, «Пушкин у Яра» (1887) И. К. Кондратьева, в биографической трагедии «Жизнь и смерть А. С. Пушкина» А. П. Михневича, которая создавалась в период 1884–1898 гг. и была опубликована в 1915 г., «Смерть Пушкина» (1899) С. С. Мамонтова. Предложенная в них интерпретация образа поэта считается манифестацией «консервативно-официозного мифа» (термин

О. С. Муравьевой) об А. С. Пушкине, благодарившем государя, причастившемся и умершем христианином [Муравьева 1994: 112]. Однако, в свете современных исследований, в частности монографии В. М. Вогмана «Пушкин и Николай I. Исследование и материалы» [Вогман 2019], можно утверждать, что подобные оценки выглядят слишком упрощенными.

Пьесы, созданные на начальном этапе становления пушкинского мифа, преимущественно были посвящены последним дням жизни Александра Сергеевича, центральным событием которых выступала дуэль как одна из мифологем. М. В. Загидуллина объясняет это тем, что пушкинский феномен был в этот период соотносим с идеей искупления национального греха, поскольку кровь поэта была пролита невинно и праведно. Этап формирования мифа, на котором были созданы драмы о последних днях жизни поэта, в терминологии исследователя обозначен как стадия сакрализации, и рамки его ограничены концом XIX в. и 1937 г. – столетней годовщиной смерти А. С. Пушкина [Загидуллина 2001].

В пьесе «Смерть Пушкина» (1899) С. С. Мамонтова (1867–1915) – старшего сына известного русского мецената, написанной в дореволюционный период, в год празднования 100-летнего юбилея со дня рождения поэта, драматург, опираясь на факты биографии А. С. Пушкина и сведения о близком круге лиц, предложил собственную интерпретацию событий последних дней поэта, создав одну из первых биографических драм о его смерти. В произведении Александр Сергеевич показан не только как поэт, но и как человек, подводящий итог жизни. Драматург подчеркивает его связь с народом, близость к нему. С этой целью в текст пьесы введены два персонажа – плотники Семеныч и Петька, которые случайно оказываются свидетелями предстоящей дуэли поэта с Ж. Дантесом.

Драма наполнена реминисценциями и аллюзиями. Она содержит не только упоминания отдельных исторических фактов, но и цитаты из собственных стихотворений А. С. Пушкина и «Смерти поэта» М. Ю. Лермонтова. Все действующие лица, за исключением второстепенных и эпизодических персонажей, имеют исторических прототипов: Василий Андреевич Жуковский; Наталья Николаевна Пушкина; Александра Гончарова (Александрина); Константин Карлович Данзас; виконт д'Аршиак;

барон Дантес-Геккерен; Екатерина Ивановна Загряжская – фрейлина императрицы Елизаветы Алексеевны, тетка Н. Н. Пушкиной, бывшая большим авторитетом и для племянницы, и для Александра Сергеевича; внесценический персонаж – брат поэта Лев Сергеевич Пушкин, письмо которого с Кавказа с просьбой прислать денег читает герой. Драматург точен в исторических деталях: Александр Сергеевич действительно вел с ним переписку¹: Лев Сергеевич Пушкин, уехав в 1835 г. на Кавказ, в момент гибели брата находился в Тифлисе.

Следует отметить, что во всех биографических пьесах функционируют, за небольшим исключением, одни и те же герои, что является основной характеристикой биографических драм. В произведениях позднего советского периода («Третья дуэль Пушкина» (1983) Н. Доризо, «Тайна Пушкина» (1991) П. И. Павловского) к общему списку добавляются Идалия Полетика, граф Владимир Александрович Соллогуб, дядька поэта Никита Тимофеевич Козлов и другие исторические личности из окружения А. С. Пушкина. Во всех историко-биографических пьесах присутствие вымышленных персонажей минимизировано. По истечении времени читателю / зрителю без фоновых знаний и исторического комментария трудно представить, какую роль в судьбе А. С. Пушкина сыграла конкретная личность. С этой целью П. Павловский в трагедии «Тайна Пушкина» в художественной форме в Прологе дает историческую справку – представление о действующем лице, данное Молвой – самостоятельным олицетворенным персонажем – аналогом античного Хора:

Соллогуб (он носит лорнет). И ко мне Пушкин благоволит, поощряет мои литературные опыты. Граф Владимир Александрович Соллогуб.

Молва. Чиновник и начинающий беллетрист. Граф кичится своим аристократизмом, хотя, в сущности, человек он добрый².

Особенностью биографических пьес об А. С. Пушкине является также особый хронотоп, при котором реальное биографическое время растворяется «в идеальном и даже абстрактном времени метаморфозы» [Бахтин 1975: 282].

¹ Письма А. С. Пушкина к брату Льву Сергеевичу. М.: В типографии С. Селивановского, 1858. 68 с.

² Павловский П. И. Тайна Пушкина: Пьесы. М.: Сов. писатель, 1991. С. 8.

«Смерть Пушкина» С. С. Мамонтова, как многие другие произведения («Александр Пушкин» М. А. Булгакова, «Наш современник» К. Г. Паустовского, «Тайна Пушкина» П. И. Павловского, «Третья дуэль Пушкина» Н. Доризо), хронологизирована: действие начинается 27 и заканчивается 29 января 1937 г. Год гибели А. С. Пушкина в этой драме представлен как точка отсчета времени после трагедии для всей русской литературы, что подтверждается помещенной в финале драмы цитатой из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Смерть поэта» – произведения, ставшего лейтмотивом практически всех биографических пьес.

В своих драматических сценах С. С. Мамонтов касается двух непростых вопросов – отношения А. С. Пушкина к религии и царскому самодержавию. Драматург показывает психологическое состояние поэта перед дуэлью. Само событие раскрывается через оценки, данные случайными свидетелями – плотниками Семенычем и Петькой, которые в это время чинят изгородь близ Комендантской дачи в окрестностях Петербурга, и непосредственным участником – секундантом А. С. Пушкина К. Данзасом.

Особое внимание драматург уделяет вопросу отношения А. С. Пушкина к религии, параллельно раскрывая близость поэта к народу:

Семеныч (убежденно).

*Молися Богу, барин милый, –
Без покаянья тяжко помирать.*

Пушкин.

<...> (Оживляясь)

Я вспомнил вновь слова молитв святыне!..

Я верю им опять, как в дни былые...

*Ты очи мне открыл, – спасибо, друг!*³

Перед самой смертью поэт примиряется с царем, получив от самодержца ободряющую записку, в которой тот советует ему умереть христианином⁴. Драматург приводит подлинный документ, написанный в ночь с 27 на 28 января 1837 г. Николаем I – А. С. Пушкину: «Если Бог не велит уже нам увидаться на этом свете, то прими мое прощение и совет умереть по-христиански и причаститься, а о жене и детях не беспокойся. Они будут моими детьми,

и я беру их на свое попечение»⁵. Поэт оставляет Николаю I напутствие:

*Желаю я ему спокойной, долгой властью
К величью привести народ*⁶.

Совсем иначе изображен А. С. Пушкин в пьесе М. А. Булгакова. Он – внесценический персонаж, присутствие которого определяют суждения и поступки действующих лиц драмы.

Т. А. Соловьева утверждает: «О пьесе Булгакова можно говорить как о биографическом мифе, опирающемся на реальную биографию поэта, которая коллективно и индивидуально переосмысливается» [Соловьева 2016].

В своем произведении М. А. Булгаков, изучив труды П. Е. Щеголева «Дуэль и смерть Пушкина», В. В. Вересаева «Пушкин в жизни» и М. К. Лемке «Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг.», берет за основу другую схему мифа, развивая тему затравленного гения. В пьесе, написанной в 1935 г., он обращается к «поэтике отсутствующего героя» (термин О. Д. Есиповой). Образ Пушкина мифологизирован. То, что поэт не появляется в произведении, демонстрирует его отстраненность от житейской суеты и абсолютное одиночество, даже несмотря на наличие немногочисленных персонажей, которые его понимают и сопереживают его положению (Александра Гончарова, графиня Воронцова, подполковник Данзас), – символическое качество пророка, вызванное обладанием им божественным знанием, недоступным пониманию толпы. О. Д. Есипова подчеркивает: «Драматург конструирует образ Пушкина в иной, не бытовой реальности», «Он сам – плоть мироздания» и принадлежит «бездонной реальности бытия» [Есипова 1985: 188].

Пьеса М. А. Булгакова строится на мифологеме божественного призвания поэта. А. С. Пушкин здесь – пророк, «носитель высшего знания и предназначения, выразитель народного сознания и голос эпохи, что вполне характерно для мифа» [Там же: 190]. Через его образ раскрывается трагедия творческой личности.

Общество в лице Николая I, князя Долгорукова, Строганова, Салтыкова, Бенедиктова, Кукольника, графа Бенкендорфа и агентов III Отделения

³ Мамонтов С. Смерть Пушкина. М.: Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1899. С. 13.

⁴ Там же.

⁵ Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. М.: Слово / Slovo, 1999. Т. 4: 1833–1837. Сост. Н. А. Тархова. С. 595.

⁶ Мамонтов С. Смерть Пушкина... С. 32.

враждебно настроено по отношению к поэту. Гениальность поэта признает графиня Воронцова, а также толпа студентов, собравшихся на Мойке. Отношение В. А. Жуковского противоречиво: он считает, что А. С. Пушкин ведет себя неразумно в обществе и может лишиться благосклонности царя, и в то же время признает в нем безусловный талант, который призван составить славу отечества.

Объединившиеся в одну силу враги поэта во главе с Бенкендорфом, при лицемерном попустительстве царя Николая I, который пытается ухаживать за Натальей Николаевной и ненавидит А. С. Пушкина за независимость, фактически уничтожают поэта. Таким образом, основной конфликт в пьесе – это противостояние власти и свободного художника.

То, что поэт обрел бессмертие в народной памяти, понимает и приставленный к А. С. Пушкину в качестве шпиона часовых дел мастер Битков:

Битков. ...Помер! Помереть-то он помер, а вон видишь, ночью, буря, столпотворение, а мы по пятьдесят верст, по пятьдесят верст!.. Вот тебе и помер! Я и то опасаясь, зароем мы его, а будет ли толк? Опять, может, спокойствия не настанет?..⁷

В биографических драмах раннего периода развития мифа действующие лица четко делятся на сторонников и противников поэта. В пьесе «Смерть Пушкина» другом и заступником выступает В. А. Жуковский, который защищает его от нападок Загряжской и признает значение А. С. Пушкина в истории литературно-общественного развития России:

Благословит тебя во век отчизна наша
За сев великий мысли и добра...⁸

С. С. Мамонтов сосредотачивает внимание именно на образе Пушкина как поэта и человека, раскрывая его внутренние противоречия: гнев по отношению к авторам анонимных писем, страстное желание защитить честь, муки творчества и смирение перед смертью.

В обеих пьесах можно наблюдать процесс сакрализации образа, что подтверждает

и обращение драматургов к цитированию стихотворения М. Ю. Лермонтова «На смерть поэта». Однако, если у М. А. Булгакова к гибели поэта приводит враждебно настроенная власть и толпа, то у С. С. Мамонтова на первый план выходят проблемы частной жизни. Письма от «доброжелателей» доводят героя до исступления в желании отомстить, защитив честь свою и супруги.

Образ Натальи Николаевны является устойчивой мифологемой пушкинского мифа. В сложившейся традиции ее изображают либо как некую музу и ангела-хранителя поэта, либо как бездушную красавицу, ставшую причиной его гибели.

Жена А. С. Пушкина показана в пьесе С. С. Мамонтова воплощением *добра, любви и красоты*⁹, она уговаривает супруга бежать в деревню, подальше от *столицы вероломной, от завистливых людей*¹⁰, тогда как у М. А. Булгакова Наталья Николаевна легкомысленно флиртует с Дантесом, причиняя душевную боль мужу. В пьесах, созданных на последнем этапе развития советской литературы, образ усложняется: в трагедии П. И. Павловского Натали кокетничает с Дантесом, но остается верной семейному долгу и также предлагает А. С. Пушкину покинуть Петербург.

Барон Дантес в пьесе С. С. Мамонтова появляется дважды, эпизодически, до и после дуэли в сопровождении секунданта, виконта д'Аршиака. После дуэли раненый Дантес и оба секунданта быстро уходят. В биографических драмах позднего советского периода Дантес – главное действующее лицо и одна из центральных мифологем, которая впервые получила оригинальную интерпретацию в пьесе М. А. Булгакова «Александр Пушкин» («Последние дни»).

В письме к В. В. Вересаеву М. А. Булгаков высказывает неожиданную для своего времени точку зрения: «Я хотел бы ввести в пьесу оригинальную фигуру Дантеса». И далее: «Самим надо выдумать Дантеса». И вполне определенно высказывается далее: «Нельзя трагически погибшему Пушкину в качестве убийцы противопоставлять опереточного бального офицера. Дантес не может восклицать: "о-ла-ла!". Дело идет о жизни Пушкина в этой пьесе.

⁷ Булгаков М. А. Пьесы 1930-х годов. СПб.: Искусство-СПб, 1994. С. 470.

⁸ Мамонтов С. Смерть Пушкина... С. 31. Здесь и далее цитаты приведены согласно правилам действующей орфографии.

⁹ Там же. С. 10.

¹⁰ Там же. С. 13.

Если ему дать несерьезных партнеров, это Пушкина унизит»¹¹.

Дантес у М. А. Булгакова эгоистичен, страстен и порывист, расчетлив. В откровенном разговоре с Натальей Пушкиной он признается, что женился на Екатерине, чтобы быть ближе к ней. По собственному определению драматурга, он создает «зловещую фигуру», антипода Пушкина, символ разрушительного начала, которое раскрывается в словах Дантеса *Он больше ничего не напишет*¹². Это двойник Пушкина, и его пародия. Параллель становится очевидной уже в первом действии в разговоре с Натальей Николаевной, когда Дантес говорит о том, что погибнет на дуэли: *Меня же положат на лафет и повезут на кладбище. И так же будет буря, и в мире ничего не изменится*¹³. Такую снежную бурю можно наблюдать в финале пьесы.

Уже на раннем этапе развития пушкинского мифа сформировалось стереотипное восприятие Дантеса как поклонника Натальи Гончаровой, женившегося на ее сестре Екатерине исключительно из желания быть ближе к объекту обожания, хотя этот факт сам по себе представляется спорным.

На этапе сакрализации образа Пушкина на первый план выступает конфликт *поэт – человек, общественное – личное*.

В советский период представление меняется. А. С. Пушкин превращается в идеал поэта, затравленного толпой. Образ постепенно масштабируется, превращаясь в мифологему, часть культурного кода России.

Очередная юбилейная дата стала поводом для создания пьесы «Наш современник (Пушкин)» (1949) К. Г. Паустовского. В драме изменяются знаковые локусы: вместо привычных для первого этапа развития пушкинского мифа Санкт-Петербурга и Черной речки близ Комендантской дачи – Одесса и Михайловское, что в большой степени, по мнению Н. В. Семеновой, «в качестве места действия влияет на формирование смыслов пьесы» [Семенова 2023: 25]. В произведении

упоминаются и другие важные для биографии поэта исторические локусы (Тригорское, Святые Горы), которые в драме не становятся тем не менее местами действия:

Надежда Осиповна. <...> *Он ускакал! В Тригорское. <...> Он к нам не вернется теперь!.. Никогда!*¹⁴
Арина Родионовна. <...> *А Александра-то Сергеевича нету. В Святые Горы поехал*¹⁵.

Н. В. Семенова называет пушкинские исторические локусы «местами памяти», выделяя из всего ряда два значимых и общеизвестных биографических локуса – Одессу и Михайловское.

В пьесе показан период жизни А. С. Пушкина между 1824 и 1825 г. – от событий, которые привели к высылке поэта из Одессы в Михайловское до сцены в родовом имении после получения героем известия о поражении восстания декабристов [Там же: 27]. В контексте драмы эти два локуса драматург соотносит «по различным параметрам: по месту и времени действия (город – деревня, лето – зима)», что символически отражает переход «от надежд на будущее к фиаско и состоянию неопределенности» [Там же: 34]. К. Г. Паустовский объяснял свой выбор тем, что «это было время поэтической и гражданской зрелости Пушкина. Время двойной ссылки, написания "Евгения Онегина", вольнолюбивых идей и подготовки декабрьского восстания», а также тем, что это были годы, полные драматизма, который «был вызван к жизни самой натурой поэта, его непримиримостью, его уничтожающей ненавистью к самовластью»¹⁶.

Пушкин у К. Г. Паустовского воплощает идею поэзии как орудия борьбы:

*Что поэзия? Слова! А эти руки хотят держать оружие...*¹⁷

*Я знаю могущество слов. И я знаю, что способен дать русскому слову полную меру этого могущества. Полную меру! Я хочу жесть словами сердца*¹⁸.

¹¹ Вересаев В., Булгаков М. Переписка по поводу пьесы «Пушкин» («Последние дни»). *Вопросы литературы*. 1965. № 3. С. 170.

¹² Булгаков М. А. Пьесы 1930-х годов... С. 497.

¹³ Там же. С. 418.

¹⁴ Паустовский К. Г. Наш современник (Пушкин). In: Паустовский К. Г. *Собрание сочинений*. М.: Худ. лит., 1984. Т. VIII. С. 147.

¹⁵ Там же. С. 170.

¹⁶ Паустовский К. Г. Пушкин на театральных подмостках (работа над пьесой о Пушкине «Наш современник»). In: Паустовский К. Г. *Собрание сочинений*. М.: Худ. лит., 1984. Т. VIII. С. 357.

¹⁷ Паустовский К. Г. Наш современник (Пушкин)... С. 108.

¹⁸ Там же. С. 120.

Символический образ поэта-борца становится понятным из возникающих в произведении параллелей: Байрон – Пушкин. В финале Александр Сергеевич сжигает материалы, компрометирующие его друзей.

В пьесе К. Г. Паустовского намечается новая тема, которая получит развитие в русской драматургии более позднего периода, – рецепция потомками образа поэта и его творчества.

Вопрос о потомках как носителях русской идеи поднимается в драмах рубежа тысячелетий, на последнем этапе развития советской литературы. В этот период происходит окончательная мифологизация образа поэта, который раскрывается через его отношение к религии, власти, народу, а также через понимание им сути поэзии.

Подлинный факт увлечения дочери Жоржа Дантеса, Леонии Шарлотты, русской культурой и творчеством А. С. Пушкина был положен в основу пьесы «Третья дуэль Пушкина» (1983) Н. Доризо, которая была опубликована в период перестройки и осталась незамеченной. В стихотворной трагедии драматург предпринимает попытку переосмысления мифологем Натальи Гончаровой и Жоржа Дантеса. А. С. Пушкин и его супруга воплощают гармонию, являются символом идеального союза поэзии и красоты. Наталья Николаевна обладает не только очарованием и прелестью, но и зрелой мудростью. Дантес – жертва интриг Геккерена, который испытывает сложные чувства по отношению к своему приемному сыну. Именно голландский дипломат в финале трагедии, подчиняя Дантеса-отца своей воле, помещает его любимую дочь Леони в сумасшедший дом.

Хронологически произведение делится на две части: события до роковой дуэли (1836 г., Санкт-Петербург) и история семьи Дантеса (1866 г., Париж). А. С. Пушкин предстает участником трех дуэлей: первой – отмененной благодаря женитьбе Жоржа на Екатерине Николаевне Гончаровой, второй – с ним же, завершившейся смертью поэта, третьей – между Дантесом и его дочерью Леони, влюбленной в Россию и испытывающей чувство вины за убийство, совершенное отцом, – метафорической дуэли

возмездия, отсроченной по времени, пришедшейся на поколение детей, которую А. С. Пушкин, по мнению драматурга, выиграл. Поэт был вынужден следовать закрепленным в обществе представлениям о кодексе чести, кроме того, к трагедии привело то, что имя его

принадлежало России всей

*И потому должно быть безупречным*¹⁹.

А. С. Пушкин вынужден считаться с условиями и нормами поведения, которыми ловко манипулируют многочисленные враги поэта, среди которых Идалия Полетика и князь Петр Долгоруков.

В трагедии П. И. Павловского «Тайна Пушкина» (1991), созданной в год распада СССР, поэт предстает жертвой клеветы и мстительных невежд, невольником чести беспощадной²⁰. В истории событий гибели поэта центральную роль сыграли слухи. В пьесе первую дуэль, иницируемую А. С. Пушкиным, удается предотвратить. Чем закончится вторая дуэль, читателю / зрителю известно, хотя в драме открытый финал. После письма, отправленного А. С. Пушкиным Геккерену, в котором он обвиняет посланника в сводничестве, Жорж Дантес вызывает поэта на дуэль, тайну которой Александр Сергеевич сохраняет, не желая посвящать петербургских зевак в <...> семейные дела²¹. Государь в пьесе выступает покровителем поэта, однако А. С. Пушкина не устраивает вмешательство власти в частную жизнь: говоря о себе, он подчеркивает, что *милостью окован*²². Образ Пушкина в пьесе сложен: герой сомневается, ищет смысл жизни, предчувствует раннюю смерть на тридцать седьмом году, сравнивая себя с Байроном, Моцартом и Рафаэлем. Его огорчает состояние современной литературы: *Было время, литература была благородное аристократическое поприще. Ныне это вшивый рынок...*²³ Конфликт между высоким занятием – творить – и необходимостью обеспечивать семью оказывается мучительным. Покинуть Петербург, скрывшись от молвы, не дает долг и призвание: *Как брошу я журнал, да и архивы... мой Пётр*²⁴. В произведении показана трагедия таланта, который

¹⁹ Доризо Н. Третья дуэль. *Новый мир*. № 6. С. 112.

²⁰ Павловский П. И. Тайна Пушкина... С. 62.

²¹ Там же. С. 62–63.

²² Там же. С. 53.

²³ Там же. С. 28.

²⁴ Там же. С. 26.

имеет несчастье быть общественным человеком²⁵. Образ Пушкина по-прежнему предстает идеалом поэта-творца, но уже лишен сакральности.

К концу XX в., в эпоху доминирования постмодернизма, многочисленные обращения к творчеству и биографии А. С. Пушкина порождают стереотипизацию в рецепции событий жизни и личности поэта, а также исторических фигур из его окружения. Канонизация приводит к формированию штампов, прочно закрепившихся в сознании носителей русской культуры в конце XX в. А. С. Пушкин в начале нового тысячелетия воспринимается как часть культурного кода нации, как закреплённый в массовом сознании литературный канон, культурный герой – создатель современного русского литературного языка, символ русской культуры.

Личность А. С. Пушкина в контексте эпохи постмодернизма превратилась в литературный миф. Факты биографии поэта и многочисленные исследования жизненного пути за время развития пушкинского мифа послужили материалом для новых произведений. Образ Пушкина как гения русской литературы утратил свежесть восприятия и лишился сакральности, чему способствовало закрепление в массовом сознании слухов и недостоверных сведений не только о нем самом, но и о его окружении. Контаминация реакций на события жизни, пропущенная через призму восприятия многочисленных биографов и авторов художественных произведений, породила многочисленные стереотипы, как позитивные, так и негативные.

Сравнивая современное состояние русской культуры и культуры XIX в., эталоном которой представляется А. С. Пушкин, писатели рубежа столетий приходят к печальному выводу о дискредитации потомками русской идеи по причине потребительского к ней отношения.

Главный герой пьесы О. Богаева «Кто убил месье Дантеса», Александр Сергеевич Пушкин – потомок поэта – графоман, проживающий в Америке, приезжает в Париж для съемок документального фильма о своем предке. Он лично оплачивает весь творческий процесс и разыскивает Жоржа Дантеса – второе главное действующее лицо трагикомедии, потомка убийцы А. С. Пушкина, для того чтобы совершить акт возмездия – отомстить на дуэли.

По мнению Е. Е. Шлейниковой, в пьесе О. Богаева «Пушкинский (точнее – пушкинско-дантесовский) миф подвергается автором пародийно-ироническому перекодированию. В качестве основополагающего художественного кода избирается эстетика драмы абсурда, определяющая особенности всех уровней текста произведения» [Шлейникова 2008: 15], «автор травестирует привычные мифо-образы Пушкина и Дантеса, выводя на сцену "героев-перевертышей"» [Там же: 16].

Историческая дистанция позволяет выдвинуть на первый план проблему рецепции образа Пушкина последующими поколениями. Парадокс заключается в том, что потомки Дантеса демонстрируют большую приверженность русской идее по сравнению с потомками Пушкина, чувствуют родство с русской культурой: Леони в пьесе «Третья дуэль Пушкина» Н. Доризо отвергает отца, а Жорж Дантес в пьесе О. Богаева «Кто убил месье Дантеса» планирует переезд в Россию, тогда как потомок Пушкина эксплуатирует славу предка как национального русского поэта с целью обогащения. Не обладая достаточным поэтическим талантом, Александр зарабатывает на его имени.

Ремейк актуализирует проблему функционирования классической литературы в современном культурном пространстве, постмодернистского осмысления культурного наследия прошлого:

*Так случилось, что... вместе с русской идеей умерла... великая русская литература. Любые усилия современных литераторов тонут в разговорах о стиле и поиске нового языка...*²⁶

Пушкин О. Богаева выбирает добровольный уход из жизни, хотя обставляет это как дуэль. Его герой лишен не только таланта, но и целостности. Дантес – полная его противоположность. Герои в пьесе подвергаются деконструкции, лишь формально сохраняя связь с прототипами.

В ремейке присутствуют эсхатологические мотивы. Суть конфликта – попытка самоидентификации личности в хаосе жизни. Тема смерти переосмысливается: когда-то гибель А. С. Пушкина стала началом его бессмертной славы. Но спланированная потомком дуэль так и не состоялась: Жоржа Дантеса убивает некий Кто, внесценический

²⁵ Там же. С. 17.

²⁶ Богаев О. Кто убил месье Дантеса. Метель. Пьесы уральских авторов по мотивам произведений А. С. Пушкина. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999. С. 242.

персонаж, который не указан в списке действующих лиц и не принимает участия в развитии внешнего действия пьесы. Страшнее физической смерти оказывается внутренняя пустота, символизирующая

духовную смерть Пушкина-потомка. Ситуация иронически абсурдна: акт возмездия выглядит не как трагедия, а как фарс.

Заключение

Пушкинский миф в русской драматургии активно развивается начиная с последней четверти XIX в. и проходит в своем становлении несколько этапов. Первый связан с утверждением основных пушкинских мифологем и укреплении представлений о нем как о талантливом поэте и человеке со своими недостатками. Идеализация образа наблюдается в советский период, когда А. С. Пушкин воспринимается в соответствии с идеологией борцом за свободу, обличителем различных форм угнетения. В период распада СССР актуализируется тема рецепции личности поэта и его наследия потомками. В постперестроечный период образ Пушкина амбивалентен: оставаясь символом русской культуры, ее культурным кодом, он воспринимается профанно.

В качестве перспектив дальнейшего исследования обозначенной проблематики можно указать анализ пушкинского мифа в соотношении с пушкинской традицией и пушкинского текста в драматургии на отдельных этапах развития русской литературы.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Багдасарян О. Ю. «Право на биографию»: пушкинская дуэль в современной отечественной драме. *Уральский филологический вестник. Серия: Русская литература XX–XXI веков: направления и течения*. 2018. № 3. С. 58–67. [Bagdasaryan O. Yu. "Right to a biography": Pushkin's duel in modern Russian drama. *Uralskii filologicheskii vestnik. Seriya: Russkaia literatura XX–XXI: napravleniia i techeniia*, 2018, (3): 58–67. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yhlxwx>
- Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике. In: Бахтин М. М. *Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет*. М.: Худож. лит., 1975. С. 234–407. [Bakhtin M. M. Forms of time and chronotope in the novel. Essays on historical poetics. In: Bakhtin M. M. *Questions of literature and aesthetics. Studies of various years*. М.: Khudozh. lit., 1975, 234–407. (In Russ.)]
- Богданова О. В., Жилене Е. С. Трансформация «пушкинского мифа» в постсоветской русской драматургии (пьеса О. Богаева «Кто убил месье Дантеса»). *Вестник Череповецкого государственного университета*. 2024. № 6. С. 7–23. [Bogdanova O. V., Zhilene E. S. The transformation of the "Pushkin myth" in post-Soviet Russian drama (O. Bogaev's play "Who killed Monsieur D'Anthes"). *Cherepovets State University Bulletin*, 2024, (6): 7–23. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/gesalr>
- Бычкова О. А., Мурзакова М. В. Пушкинский миф в современной литературе. *Российская фольклористика и диалектология на современном этапе*, отв. ред. М. И. Журина, Т. Н. Юркина. Чебоксары: ЧГПУ им. И. Я. Яковлева, 2020. С. 43–49. [Bychkova O. A., Murzakova M. V. Pushkin's myth in modern literature. *Russian folklore studies and dialectology at the present stage*, eds. Zhurin M. I., Yurkina T. N. Cheboksary: CSPU named I. Y. Yakovlev, 2020, 43–49. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/broayj>
- Вогман В. М. Пушкин и Николай I. Исследование и материалы. СПб.: Нестор-История, 2019. 260 с. [Vogman V. M. *Pushkin and Nicholas I. Research and materials*. St. Petersburg: Nestor-Istoriia, 2019, 260. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ycbmql>
- Вогман (Есипов) В. М. Император Николай I как читатель и цензор Пушкина. *Русская литература и национальная государственность XVIII–XIX вв.*: Междунар. науч. конф. (Москва, 13–15 октября 2020 г.). М.: ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, 2020. С. 30. [Vogman (Esipov) V. M. Emperor Nicholas I as a reader and censor of Pushkin.

- Russian Literature and National Statehood in the 18th–19th Centuries*: Proc. Intern. Sci. Conf., Moscow, 13–15 Oct 2020). Moscow: IMLI, 2020, 30. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vtgaeg>
- Гельфонд М. М. Пушкинский миф в лирике Давида Самойлова. *Новый филологический вестник*. 2016. № 2. С. 98–110. [Gelfond M. M. Pushkin's myth in the poetry of David Samoilov. *Novyi filologicheskii vestnik*, 2016, (2): 98–110. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wcpwz>
- Гук А. Ф. Освоение и присвоение пушкинского мифа в автобиографии М. Цветаевой «Мой Пушкин». *Inimum. Художественная литература: опыт современного прочтения*, отв. ред. Т. А. Снигирева, Л. А. Назарова, А. М. Меньщикова. Екатеринбург: УрФУ, 2023. Вып. 6. С. 125–129. [Guk A. F. Mastering and appropriation of the Pushkin myth in M. Tsvetaeva's autobiography *My Pushkin*. *Inimum. Fiction: An experience of modern interpretation*, eds. Snigireva T. A., Nazarova L. A., Menshchikova A. M. Ekaterinburg: UrFU, 2023, iss. 6, 125–129. (In Russ.)]
- Есипова О. Д. Пушкин в пьесе М. Булгакова. *Болдинские чтения*: конф. (Большое Болдино, 9–12 сентября 1985 г.) Н. Новгород: Волго-вятское кн. изд-во, 1985. С. 183–190. [Esipova O. D. Pushkin in the play by M. Bulgakov. *Boldino Readings*: Proc. Conf., Bolshoe Boldino, 9–12 Sep, 1985. Nizhny Novgorod: Volgo-vyatskoe kn. izd-vo, 1985, 183–190. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xhkudb>
- Загидуллина М. В. Пушкинский миф в конце XX века. Челябинск: ЧелГУ, 2001. 243 с. [Zagidullina M. V. *The Pushkin myth in the late 20th century*. Chelyabinsk: ChelSU, 2001, 243. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rblwzd>
- Иваньшина Е. А. Смерть Пушкина как ритуальный текст (пьеса «Александр Пушкин» и «врачебный» рассказ «Вьюга» М. А. Булгакова). *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина*. 2012. № 1. Т. 4. С. 38–46. [Ivanshina E. A. Pushkin's death as a ritual text (the play "Alexander Pushkin" and the "medical" story "Blizzard" by M. Bulgakov). *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina*, 2012, 1(4): 38–46. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pjcbdj>
- Круглов Р. Г. Пушкинская традиция, пушкинский миф и пушкинский текст в русской поэзии второй половины XX века. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2024. Т. 17. № 8. С. 2728–2734. [Kruglov R. G. Pushkinian tradition, myth, and text in Russian poetry in the second half of the 20th century. *Philology. Theory & Practice*, 2024, 17(8): 2728–2734. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30853/phil20240389>
- Маринина Ю. А., Малютин О. А. Пушкинский миф в современной литературе для детей (на материале произведений К. Стрельниковой, М. Бершадской, Ай Эн (Ирины Крестьевой)). *Филология: научные исследования*. 2024. № 6. С. 70–78. [Marinina Yu. A., Malyutina O. A. The Pushkin myth in modern literature for children (based on the works of K. Strelnikova, M. Bershadskaya, Ai eN (Irina Krestyeva)). *Philology: scientific research*, 2024, (6): 70–78. (In Russ.)] <https://doi.org/10.7256/2454-0749.2024.6.70877>
- Машенко А. П. Деканонизация образа А. С. Пушкина в литературе первой волны русского постмодернизма. *Вопросы русской литературы*. 2012. № 23. С. 100–110. [Mashhenko A. P. Decanonization of the image of A. S. Pushkin in the literature of the first wave of Russian postmodernism. *Voprosy russkoi literatury*, 2012, (23): 100–110. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wkoeef>
- Мещанский А. Ю., Савелова Л. А. Аксиологическая значимость драматургии О. Богаева. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2019. Т. 12. № 2. С. 332–336. [Meshchanskii A. Yu., Savelova L. A. Axiological significance of O. Bogaev's dramaturgy. *Philology. Theory & Practice*, 2019, 12(2): 332–336. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.2.70>
- Муравьева О. С. Образ Пушкина: исторические метаморфозы. *Легенды и мифы о Пушкине*, отв. ред. М. Н. Виролайн. СПб: Акад. проект, 1994. С. 109–128. [Muravyova O. S. The image of Pushkin: Historical metamorphoses. *Legends and myths about Pushkin*, ed. Virolainen M. N. St. Petersburg: Akad. projekt, 1994, 109–128. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xouwzx>
- Прохогин Н. Письма Дантеса (История дуэли в интерпретации итальянской исследовательницы). *Вопросы литературы*. 1997. № 5. С. 145–174. [Prozhogin N. d'Anthès' correspondence: The duel as interpreted by an Italian researcher. *Voprosy Literatury*, 1997, (5): 145–174. (In Russ.)]
- Сараскина Л. И. Пушкинский миф в русской культуре: легенды, анекдоты, клише. *Художественная культура*. 2018. № 4. С. 128–161. [Saraskina L. I. The Pushkin myth in Russian culture: Legends, anecdotes, clichés. *Hudozhestvennaya kultura*, 2018, (4): 128–161. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ysrefn>

- Семенова Н. В. Пушкинские торжества 1949 года и пьеса К. Г. Паустовского «Наш современник». *Текст. Книга. Книгоиздание*. 2023. № 33. С. 25–46. [Semenova N. V. The Pushkin celebrations of 1949 and Konstantin Paustovsky's "Our Contemporary". *Tekst, Kniga, Knigoizdaniye*, 2023, (33): 25–46. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/23062061/31/3>
- Соловьева Т. А. Трансформация мифа о Пушкине в пьесе Булгакова «Александр Пушкин». *Язык. Культура. Коммуникации*. 2016. № 1. [Solovyeva T. Transformation of myth about Pushkin in the play "Alexander Pushkin" by M. Bulgakov. *Iazyk. Kultura. Kommunikatsii*, 2016, (1). (In Russ.)] URL: <https://journals.susu.ru/lcc/article/view/390> (accessed 5 Jan 2025). <https://elibrary.ru/xrqhnx>
- Трошинская-Степушина Т. Е. Пушкин как источник мифопорождения. *Россия и славянские народы в XIX–XXI вв.: Междунар. науч. конф.* (Брянск, 28 марта 2020 г.) Брянск: Аверс, 2020. С. 43–49. [Troshchinskaya-Stepushina T. E. Pushkin as a source of mythmaking. *Russia and the Slavic peoples in the 19th–21st centuries: Proc. Intern. Sci. Conf.*, Bryansk, 28 Mar 2020. Bryansk: Avers, 2020, 43–49. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kmtyn>
- Туманов Д. В. Виртуализация образа А. С. Пушкина в традициях постмодерна. *Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки*. 2013. Т. 155. № 6. С. 153–161. [Tumanov D. V. Virtualization of the image of A. S. Pushkin in the traditions of postmodernism. *Uchen. Zap. Kazan. un-ta. Ser. Gumanit. nauki*, 2013, 155(6): 153–161. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rzqkmt>
- Хорошева А. В. А. С. Пушкин и его литературное наследие в СССР в 1917–1937 годах: от критики до почитания. *Ортодоксия*. 2023. № 3. С. 74–97. [Khorosheva A. V. Alexander Pushkin and his literary heritage in the Soviet Union in 1917–1937: From criticism to veneration. *Orthodoxia*, 2023, (3): 74–97. (In Russ.)] <https://doi.org/10.53822/2712-9276-2023-3-74-97>
- Шеметова Т. Г. Биографический миф о Пушкине в русской литературе советского и постсоветского периодов: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011. 318 с. [Shemetova T. G. *The biographical myth of Pushkin in Russian literature of the Soviet and post-Soviet periods*. Dr. Philol. Sci. Diss. Moscow, 2011, 318. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qflzuh>
- Шеметова Т. Г. Дуэль Пушкина и Дантеса в современной беллетристической пушкиниане. *Филологические науки*. 2009а. № 4. С. 56–65. [Shemetova T. G. The duel between Pushkin and d'Anthès in the modern Pushkiniana fiction. *Filologicheskie nauki*, 2009а, (4): 56–65. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kyqjvj>
- Шеметова Т. Г. Пушкинский миф: функционирование в современной литературе. *Вестник Бурятского государственного университета*. 2010. № 10. С. 201–207. [Shemetova T. G. Pushkin's myth: The functioning in the modern literature. *Bulletin of Buryat State University. Philosophy*, 2010, (10): 201–207. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ztudqb>
- Шеметова Т. Г. Три тенденции в современной литературной «Пушкиномании». *Вестник Моск. ун-та. Серия 9. Филология*. 2009b. № 4. С. 55–66. [Shemetova T. G. Three trends in the modern literary "Pushkinomania". *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, 2009b, (4): 55–66. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kyvmox>
- Шлейникова Е. Е. Драматургия О. А. Богоева в контексте русской драмы рубежа XX–XXI веков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2008. 18 с. [Shleynikova E. E. *Drama by O. A. Bogaev in the context of Russian drama at the turn of the 20th–21st centuries*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. St. Petersburg, 2008, 18. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/npqien>
- Яшина К. И. Образ Большого Болдина в русской литературе: особенности формирования локального текста. *Литера*. 2021. № 7. С. 54–63. [Yashina K. I. The image of Bolshoye Boldino in the Russian literature: Peculiarities of local text formation. *Litera*, 2021, (7): 54–63. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2021.7.33656>